

Москва. Канселем — 1992. — 10 стр.

— **А**НАТОЛИЙ Семенович, пару слов о себе. Вы уехали в Штаты в 79-м, вернулись в 87-м...

— Да, я уехал в 79-м, хотя собирался отбыть еще в 73-м. Тогда жена не захотела. Решение, понятно, принималось не по одному мотиву — причин было много. В том числе и то, что надоело писать «в стол» без надежды, что выпустят на сцену.

В Америке три с половиной года водил такси и пытался пробиться «в музыку». Собирал деньги на записи, работал в ночных клубах. Сначала не везло. «Советы» тогда сбили южнокорейский «Боинг»; и по Америке прокатилась волна русофобии. Никто не подписывал контракты — не хотели связываться. Потом удалось выпустить кассету, ну а дальше дело пошло.

В ноябре 86-го мне с Токаревым предложили гастроль: Австралия — Израиль — Западный Берлин. Поехал в Вашингтон, чтобы узнать, могут ли заехать в Москву из Берлина. В посольстве меня принял какой-то чин, судя по повадкам, типичный казэбэшник. Он только рот раскрыл, а я уже понял, о чем он будет меня просить. И не ошибся. Уговаривал меня написать несколько статей о «плохой» Америке. На что я ответил, что Америка мне ничего плохого не сделала.

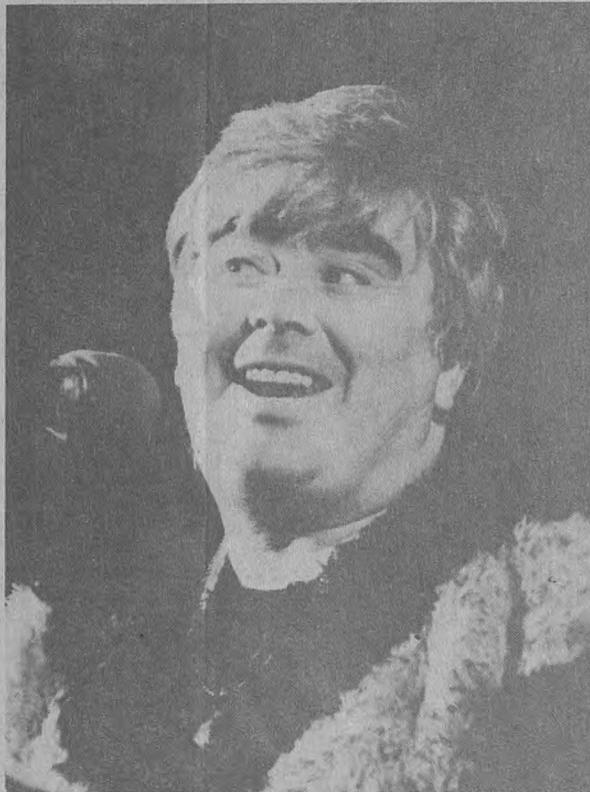
Но, видно, в то время уже крутанулись какие-то винтики в советской политике — нашлись в посольских кругах «другие» люди, которые просто спросили: «А почему бы тебе не вернуться?».

Я вернулся в январе 87-го с надеждой, что все изменилось. Да, кое-что изменилось. Ощутил.

— **Н**ОГДА и как начались ваши контакты с заключенными?

— «На своей шкуре» я контакта с зоной не имел. Началось все так. В 88-м я позвонил в МВД и попросил дать возможность бесплатно выступить для заключенных. Разрешили мне спеть в показательной зоне в Крюкове; куда возят все делегации — показать, как хорошо у нас живут зеки. По пути спросил у чинов из МВД, сопровождавших меня, что можно привезти в зону? Ответили — сигареты без фильтра. Узнав, что там сидит 500 человек, попросил остановить машину у киоска и купил 500 пачек. Подарок понравился.

Даже образцово-показательная зона меня поразила. Особенно запах зоны — его никогда не забуду. Все там гнетущее, безнадежное... Заключенные были напуганы приездом начальства, поговорить толком не удалось. На концерте, правда, забросали вопросами: а как в Америке сидят? Под конец записка пришла: «Оставайтесь с нами». Храню. Я им сказал: будете на воле, приходите на мой концерт. Скажите пароль «Крюково» — пропустят бесплатно. Шутки шутками, а как-то раз пришла компания в Лужники, и я, как обещал, провел их бесплатно по паролю. Потом еще на Икше давал бесплатный концерт в коло-

ни для несовершеннолетних. Записка оказалась пророческой. Их судьба взяла меня за живое. Слишком много там горя, безнадеги... А ведь живые люди... Разные люди. Разными путями туда попали...

— **Э**ти концерты и побудили устроить фестиваль «Зона»?

— Непосредственно на мысль о фестивале с участием заключенных меня навела жизнь дядьки моей жены, который сидел по уголовной статье. Он остался без ноги в зоне и мучился со второй ногой, которая гнила. Видно, там его уважали, потому что помогали как могли. Только благодаря собратьям по зоне он и смог выжить. Взаимовыручка этого мира меня поразила. Тогда я и задумался... А почему, собственно, мы, вольные, не должны помогать им, оступившимся? Ведь это наши граждане, и они отсюда к нам возвращаются.

Я хочу быть правильно понятым. Никто не собирается делать систему наказания раем. Отнюдь! Но даже при крепостном праве была отдушина — Юрьев день. Я признаю право государства и общества лишать свободы своих

граждан, коль они того заслужили. Но даже в тюрьме должно быть милосердие и люди должны это милосердие чувствовать!

Никто не снимает с них вины. Но нельзя оставлять людей без участия и помощи. Страшную школу зоны прошли и проходят миллионы, и никто от нее не застрахован. От тюрьмы и от сумы, как известно, не зарекаются.

Что творится в зонах!.. Дети, рожденные там, не имеют элементарного, а уж они-то ни в чем не виноваты. Заблудившиеся в жизни люди чувствуют себя изгоями, причем изгоями навсегда. Даже когда кончается срок...

— **К**ак по вашему плану следует провести фестиваль?

— План примерно такой. Мои помощники предут по российским зонам и на конкурсной основе отберут среди заключенных самых талантливых певцов, музыкантов, поэтов, рассказчиков. Любых жанров. Этим людям нужно дать отпуск на 10—12 дней для поездки на фестиваль. Без охраны, под честное слово, — это очень важно. Кроме того, те, у кого к началу фестиваля кончается срок, получают «вольную» прямо на сцене. Есть мысль помимо концерта организовать телемост «Зона», например, с американскими заключенными.

— **К**уда пойдут доходы от фестиваля?

— Все средства, вырученные от «Зоны», пойдут на нужды людей, которых жизнь каким-либо боком связала с пенитенциарной системой. Пока я вижу шесть направлений, куда их можно вложить. Первое: на реконструкцию спецучреждений. Чтоб там можно было жить, а не гнить. Второе: на приобретение необходимых предметов быта для заключенных. Третье: одиноким матерям и семьям, чьи кормильцы сидят. Четвертое: семьям сотрудников ОВД, погибших при исполнении служебных обязанностей. Пятое: детям, рожденным матерями-заключенными. Шестое: на поддержку на первых порах людей, освободившихся из зоны, — жилье, работа и т. д.

— **К**ак руководство ОВД относится к вашей идее?

— Все вроде бы «за», но... Раздумывают. Боязно. Слишком уже необычно все это. Аналогов не было. Говорят, если фестиваль будет в Москве, тут начнется кошмар. Съедутся, дескать, уголовники со всей России. А я убежден, что именно во время фестиваля в городе будет идеальный порядок, ведь слово «пахана» в тюремной среде — закон, за нарушение которого можно лишиться жизни.

— **Н**ОГДА будет фестиваль?

— Планировали в ноябре, но, думаю, придется перенести на более поздний срок. Мои предложения направляются в МВД и ГУВД на рассмотрение. Решения пока нет. Жду. И убеждаю всех и вся, что милосердие — это удел сильных людей, сильного государства и морально здорового народа.

Сергей СОРОКИН.